

У Сяомо теперь жалел, что не пришёл сюда днём, хотя вряд ли это место было бы светлее даже при солнечном свете.

Янь Цзю выглядел чрезвычайно серьёзным. Его собранные в пучок волосы украшали нефритовые серпы «Парящий вихрь», которые обычно при движении издавали мелодичный звон, но сейчас звук стал едва уловимым.

У Сяомо, бросив на него взгляд, не сдержал тихого смешка.

У Янь Цзю было две слабости: страх темноты и страх перед женщинами.

Если бы он находился в компании нескольких женщин, это ещё куда ни шло, но оказаться наедине с одной и завязать разговор — для него это было хуже, чем провести три дня и три ночи в тёмной комнате.

Однако на этот раз У Сяомо ошибался. Янь Цзю был занят не страхом перед темнотой или женщинами, а размышлениями о том, как себя вести при встрече с Лю Имэй, когда его отвлекал другой вопрос.

Вопрос, который был одновременно глупым и забавным: «Сколько раз за день У Сяомо пугает?»

Поэтому выражение лица Янь Цзю стало ещё серьёзнее, он пытался сосредоточиться, мысленно ругая: «Проклятый У Сяомо!»

А этот проклятый У Сяомо, напротив, стал гораздо спокойнее.

В мире есть такие люди, которые, замечая, что окружающие нервничают больше, чем они сами, неосознанно расслабляются и даже начинают вести себя вызывающе.

У Сяомо был именно таким человеком.

Девятиизвилистый коридор Алого терема, возможно, и не был слишком запутанным, но создавал ощущение, что время тянется медленно, и шаги становились всё тяжелее, словно не хотелось идти дальше.

Но останавливаться было нельзя.

Они уже миновали седьмой поворот.

В коридоре царил тишина, только шаги троих людей ритмично эхом разносились по

пространству, поглощаемому бесконечной тьмой.

Внезапно раздались низкие шаги — это был четвёртый человек.

Шаги были размеренными, неторопливыми, каждый из них звучал уверенно, но при этом был тяжелым, перекрывая звук шагов У Сяомо и его спутников.

Шаги приближались, казалось, они шли навстречу У Сяомо и Янь Цзю.

У Сяомо почувствовал гнетущее напряжение, и его расслабленное выражение лица постепенно исчезло.

Янь Цзю же выглядел ещё более серьёзным.

В мире есть и такие люди, которые, когда окружающие испытывают такое же напряжение, как и они сами, невольно становятся ещё более напряжёнными, их тела деревенеют, кровь бурлит в жилах, губы сжимаются, и они чувствуют себя крайне неловко.

Янь Цзю был именно таким человеком.

Наконец, на восьмом повороте впереди появился силуэт. Он медленно приближался.

Девушка в розовом внезапно остановилась.

У Сяомо, увидев, что высокий силуэт приближается, тоже остановился.

Янь Цзю последовал их примеру.

Трое стояли, наблюдая, как человек приближается, словно невидимая аура заставляла их ждать его появления.

Наконец, при тусклом свете свечей черты лица незнакомца стали различимы.

У него было резко очерченное лицо с длинными бровями, тонкими губами, слегка приподнятыми в улыбке, и глубокими глазами, которые, казалось, смеялись и в то же время сохраняли загадочность. Его стройная фигура с узкой талией и широкими плечами говорила о силе, но при этом он излучал сдержанную энергию. На нём был белый халат с тёмно-красными шнурами на талии, что придавало ему простоту и величие.

В его руках была древняя цитра в стиле «Закат».

— Господин Гун, — девушка в розовом склонилась в почтительном поклоне.

— Мм, — мужчина тоже остановился, слегка кивнув, и быстро окинул взглядом У Сяомо и Янь Цзю.

У Сяомо почувствовал, что ночь стала немного холоднее.

Девушка в розовом сказала:

— Эти двое пришли к госпоже.

У Сяомо кивнул мужчине, а Янь Цзю, не отрываясь, смотрел на его лицо, не произнося ни слова.

Мужчина тоже посмотрел на лицо Янь Цзю, затем опустил взгляд и слегка улыбнулся:

— Понял, идите.

Затем он прошёл мимо них.

Низкие шаги снова раздались.

Янь Цзю не смог удержаться и обернулся, чтобы взглянуть на высокую белую фигуру, слегка задумавшись.

У Сяомо спросил:

— Девочка, кто это был?

Девушка в розовом ответила:

— Его фамилия Гун. Он просто цитрист, которого мы пригласили.

Просто цитрист...

У Сяомо нахмурился.

Просто цитрист мог свободно передвигаться по девятиизвилистому коридору? И судя по тому, что он появился на восьмом повороте, возможно, он только что вышел из глубины коридора!

Кто мог проникнуть в глубину девятиизвилистого коридора, и почему эта девушка относилась к нему с таким почтением?

Слова «просто цитрист» обычно означали, что его личность была куда более значительной, чем просто музыкант.

И его фамилия была «Гун». Фамилия «Гун» была нечастой, но звучала знакомо, словно он где-то уже слышал её.

Где же это было...

У Сяомо тоже задумался, глядя на фигуру, постепенно исчезающую в темноте.

— Господа, продолжим, — раздался звонкий голос девушки, прервавший тишину.

Они поспешно развернулись и продолжили путь.

После девятого поворота перед ними оказался короткий, но широкий коридор, в конце которого виднелась освещённая комната, охраняемая двумя девушками в розовых одеждах.

— Мы пришли, — девушка тихо открыла дверь и отступила в сторону. — Моя госпожа внутри, проходите!

Переступив порог, они увидели шестистворчатую ширму с изображением зимней сливы, в центре которой стояла нефритовая курильница в форме утки, из клюва которой поднимался аромат сухэ — запах, тонкий и загадочный, то сгущавшийся, то рассеивавшийся.

— Осторожно! — внезапно крикнул Янь Цзю.

Светящаяся золотая вспышка пронеслась сквозь ширму, направляясь прямо в лицо У Сяомо.

Какой быстрый снаряд, и какая сильная рука!

У Сяомо резко отклонился назад, одновременно схватив костяную флейту на поясе и ударив ею по золотой вспышке. Раздался звонкий звук.

Оглянувшись, он увидел, что золотая шпилька была вбита в дверную раму, и только две трети её оставались снаружи.

У Сяомо усмехнулся:

— Я не знал, что каждый, кто входит в эту комнату, получает такой подарок.

— Конечно, нет, — раздался мягкий смех из-за ширмы. — Только ты один.

— Почему?

— Потому что ты У Сяомо.

У Сяомо усмехнулся, этого объяснения, казалось, было достаточно.

— Но в мире, возможно, не один У Сяомо. Как ты знаешь, что я тот самый У Сяомо?

— Я никогда не видела твоего лица, но я узнала твою костяную флейту.

Флейта ловко провернулась в его пальцах, и У Сяомо улыбнулся:

— Видимо, эта флейта известнее меня.

В этот момент из-за ширмы вышла женщина в тёмно-фиолетовом облачном шёлке, став перед У Сяомо и его спутниками.

У Сяомо видел много женщин в своей жизни, и среди них было немало красавиц, но эта женщина, несомненно, входила в число первых.

— Та самая, что у воды.

Лицо Лю Имэй не было выдающимся, но в ней было двенадцать частей очарования, полускрытого, как осенняя вода, словно она хотела что-то сказать, но не решалась.

Женщине достаточно иметь хоть что-то, что привлекает мужчин.

У Сяомо сказал:

— Мы хотим кое-что узнать.

— Все, кто приходят сюда, хотят что-то узнать, — Лю Имэй посмотрела на У Сяомо. — Но за каждую информацию нужно платить.

— Я знаю, информация в Алом тереме не даётся даром.

— Что вы хотите знать?

Янь Цзю сказал:

— О смерти Ши Су, главы Пчелиного Роя, месяц назад.

Лю Имэй вдруг рассмеялась, её мягкий смех мог расслабить кости.

Но Янь Цзю не видел в этом ничего смешного.

Лю Имэй, смеясь, сказала:

— За этот месяц многие приходили ко мне с этим вопросом.

У Сяомо спросил:

— Кроме нас, были ещё?

— Вы же не ученики Пчелиного Роя, но тоже пришли. Почему другие не могли?

У Сяомо не нашёлся, что ответить. Действительно, по крайней мере, члены Пчелиного Роя должны были прийти.

Лю Имэй продолжила:

— Если вы хотите узнать об этом, то за каждый вопрос — двести лян.

Янь Цзю удивился:

— Это так дорого!

<http://bllate.org/book/15438/1369220>